Беркутов Алексей Алексеевич

САМООБЛОЖЕНИЕ В ПРЯМЫХ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖАХ КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ

В статье рассматривается процесс трансформации самообложения во второй половине 1920-х годов. Анализируется законодательное регулирование самообложения и его подчинение задачам налоговой политики государства. Показывается, что в 1924-1927 гг. государство сохраняет традиционные принципы самообложения: добровольность, уравнительность и полновластие земельных обществ в распоряжении средствами. В 1927-1929 гг. земельные общества лишаются финансово-экономических прав, самообложение переходит в руки местных Советов. Государство определяет его цели и порядок использования. Самообложение теряет самодеятельный характер и включается в систему прямых обязательных платежей, трансформируясь в разновидность единого сельскохозяйственного налога.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 22-25. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ORPHAN HOMES OF BURYATIA AS FORM OF CHILDREN WITHOUT PARENTAL CARE ORGANIZATION IN THE 1920S

Afanasova Elena Nikolaevna, Ph. D. in History
Russian Academy of National Economy and State Service under the RF President (Branch) in Ust'-Ilimsk
lebeden81@mail.ru

The author, basing on the study of regional and central archives materials, analyzes the process of orphan homes creation and development in Buryatia in the 1920s as one of the main forms of children without parental care organization, shows the change in the number of orphan homes in the 1920s, conducts the comparative analysis of the number of orphan homes in Buryatia and other regions of Eastern Siberia, introduces the statistical data showing the level of child homelessness in Buryatia in the 1920s into scientific circulation, describes the living conditions of children in orphan homes, shows the level of teachers' qualification, and comes to the conclusion about the insufficient quantity of orphan homes in Buryatia in the 1920s, the absence of conditions for homeless children's successful socialization.

Key words and phrases: child homelessness; orphan homes; history of Eastern Siberia; social history; history of childhood.

УДК 94(47)084.5
Исторические науки и археология

В статье рассматривается процесс трансформации самообложения во второй половине 1920-х годов. Анализируется законодательное регулирование самообложения и его подчинение задачам налоговой политики государства. Показывается, что в 1924-1927 гг. государство сохраняет традиционные принципы самообложения: добровольность, уравнительность и полновластие земельных обществ в распоряжении средствами. В 1927-1929 гг. земельные общества лишаются финансово-экономических прав, самообложение переходит в руки местных Советов. Государство определяет его цели и порядок использования. Самообложение теряет самодеятельный характер и включается в систему прямых обязательных платежей, трансформируясь в разновидность единого сельскохозяйственного налога.

Ключевые слова и фразы: самообложение; прямые платежи крестьянства; налоговая политика; земельные общества; сельский сход; обязательное самообложение; сельские Советы; единый сельскохозяйственный налог.

Беркутов Алексей Алексеевич
Пензенский государственный университет
Berkutovaa@yndex.ru

САМООБЛОЖЕНИЕ В ПРЯМЫХ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖАХ КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГОДОВ©

Проблема размера и структуры прямых платежей крестьянства в годы нэпа приобрела важнейшее значение в общеэкономической и аграрной политике Советского государства. Через платежи крестьянства государство решало задачу сосредоточения в своих руках максимально возможного объема материальных и финансовых ресурсов с их последующим перераспределением между секторами экономики и сферами государственного управления в целях формирования фонда накопления, необходимого для начавшейся во второй половине 1920-х гг. индустриализации. Одновременно платежи крестьянства, особенно прямые налоговые, использовались как средство регулирования накопления в различных социально-экономических группах крестьянства на основе так называемого принципа классового подхода. При этом размер платежей лимитировался необходимостью оставления в аграрном секторе экономики достаточных финансовых ресурсов для обеспечения роста сельскохозяйственного производства, которое развивалось в годы нэпа как комплекс индивидуальных крестьянских хозяйств. Данное обстоятельство диктовало и необходимость определения наиболее рационального объема изъятия средств из сельского хозяйства.

Самообложение как местный налог являлось частью прямых платежей крестьянства и играло важную роль в налоговой политике Советского государства в деревне, внося свою долю в наполнение местного бюджета, решение насущных хозяйственных и культурных проблем деревни и регулирование накоплений в различных социально-экономических группах крестьянства. При этом во второй половине 1920-х годов происходит превращение самообложения из традиционного самодеятельного добровольного сбора в рамках земельного общества в разновидность прямого налогового платежа и часть сельских и волостных местных бюджетов. В статье рассматривается место самообложения в системе налогообложения крестьянства и процесс его трансформации во второй половине 1920-х годов.

© Беркутов А. А., 2013

Впервые самообложение, которое традиционно с дореволюционных времен и вплоть до начала 1928 г. находилось в ведении земельных обществ, было узаконено и стало законодательно регулироваться государством с 1924 г. Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1924 г. [9] разрешало устанавливать сборы на удовлетворение местных культурных и хозяйственных нужд как в денежной, так и в натуральной форме, а также в виде трудового участия в определенных работах. Закон 1924 г. устанавливал принцип добровольности в проведении сельским сходом, представлявшим земельное общество, самообложения. Сумма сбора определялась сходом граждан села. Голосовавшие против принятия решения о самообложении или не присутствовавшие на собрании имели право не платить сборов по самообложению, а принудительное взыскание их запрещалось. Роль административных органов ограничивалась по закону лишь регистрацией решений сельских сходов, что на практике часто не соблюдалось.

Во второй половине 1926 г. органы НК РКИ СССР и РСФСР по поручению союзного и республиканского правительств проводят обследование практики самообложения в 1925/26 окладном году. Обследование носило достаточно масштабный и репрезентативный характер: методом механической выборки по поселенным спискам опросом было охвачено 5000 хозяйств с анализом не менее 50 хозяйств из каждого поселения по трем социальным группам [2, д. 767, л. 5]. Оказалось, что общая сумма самообложения по РСФСР составила не менее 50-60% от размера единого сельскохозяйственного налога, то есть около 100 млн руб. [Там же]. Самообложение давало половину доходов земельных обществ, которые и распоряжались этими средствами, используя их на содержание пастухов, лесных сторожей, уполномоченных земельных обществ и всей канцелярии общин, а также на социально-культурные нужды.

Наркомат РКИ РСФСР отмечал, что раскладка самообложения осуществляется по чисто внешним признакам без учета социально-экономического состояния хозяйств: на двор, по едокам, по душевым наделам и т.п. В докладе Совнаркому РСФСР НК РКИ подчеркивал, что основная тяжесть самообложения ложится на бедняцкие хозяйства и методы исчисления платежей по самообложению «находятся в резком противоречии классовому принципу», принятому всей налоговой системой [Там же, л. 7]. В качестве характерного примера приводились данные по Воронежской губернии: верхняя зажиточная группа уплатила в 1925/26 окладном году по самообложению 25% единого сельхозналога, середняки – 71,2%, а беднота – 124% от суммы сельхозналога [Там же, л. 5].

24 августа 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О самообложении населения», которое вводило новый порядок самообложения на основе классового принципа и усиления роли местных Советов [7]. Формально по новому закону самообложение разделялось на два вида: обязательное и добровольное. Последнее проводилось по тем же правилам, что и раньше, но на практике этот вид самообложения не применялся. Решение сельского схода о сумме обязательного самообложения принималось простым большинством голосов, если на сходе присутствовало не менее половины граждан, имевших избирательное право. Распределение сборов осуществлялось сельским Советом с учетом экономического состояния хозяйств. Решение схода о самообложении вместе с раскладкой сумм утверждалось по представлению сельсоветов волостными и районными исполкомами, после чего оно становилось обязательным для всех и реализовывалось сельским Советом. Последнему закон предоставил широкие полномочия по сбору и использованию средств самообложения. В случае невыполнения постановления сельские Советы взыскивали взносы в административном порядке. Расширение полномочий Советов в сфере самообложения являлось свидетельством того, что с 1927 г. начались юридическое подчинение земельных обществ сельским Советам, нажим на них при проведении хозяйственно-политических кампаний [5, с. 89].

Определение целей использования средств, а также вопрос о предельных размерах самообложения союзный закон отнес к компетенции союзных республик. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. приводился перечень культурных и хозяйственных нужд, финансирование которых могло производиться из средств самообложения: содержание культурно-просветительных учреждений, учреждений здравоохранения и социального обеспечения, ветеринарных и агрономических пунктов. Кроме этого, средства самообложения могли использоваться на дорожное строительство, противопожарную охрану, благоустройство сел и деревень [6]. Контроль над расходованием средств возлагался на ревизионные комиссии местных Советов. Предельный размер самообложения устанавливался в 35% от суммы единого сельскохозяйственного налога со всех хозяйств данного селения в окладном году. Этот предельный размер могли повышать до 50% губернские и окружные исполкомы с согласия СНК союзных республик. Понижалось количество присутствующих на сельском сходе при решении вопроса о самообложении до одной трети общего числа граждан, имевших избирательные права. Все бедняцкие хозяйства, освобожденные от уплаты единого сельскохозяйственного налога, освобождались и от уплаты сборов по самообложению, а колхозы и маломощные середняцкие хозяйства получали при раскладке суммы сборов такие же льготы, как и по сельхозналогу. Таким образом, уже к началу 1928 г. четко просматривается усиление в законодательстве о самообложении принципов, характерных для общей системы прямого обложения деревни: прогрессивности и подоходности налога, а также дифференцированного подхода к различным социально-экономическим группам крестьянства.

В условиях хлебозаготовительного кризиса конца 1927 г. – начала 1928 г. и «чрезвычайщины» 1928 г., переросшей затем в сплошную коллективизацию, самообложение использовалось партийно-государственным руководством как действенное средство экономической и аграрной политики. К 1 июля 1928 г. в РСФСР принятая сходами сумма самообложения составила 73 млн 686 тыс. руб. К указанному сроку поступило более 54 млн руб. [3, с. 5]. Форсирование сбора средств по самообложению с переложением

его значительной части на наиболее экономически мощные хозяйства имело целью через изъятие из деревни существенной части денежных накоплений стимулировать реализацию крестьянством хлеба до весеннего повышения цен и ускорить хлебозаготовки. В этих условиях самообложение проводилось административными методами. Волостные и районные исполкомы на основе контрольных цифр, данных вышестоящими исполкомами, разрабатывали свой план по каждому сельсовету и даже селению, определяя не только размер самообложения, но и его целевое назначение и сроки уплаты, что ограничивало самодеятельность населения и инициативу сельских Советов.

Выборочное обследование НК РКИ РСФСР практики самообложения в 7 регионах республики показало, что на территории 53 из 69 обследованных сельсоветов самообложение проводилось по инициативе вышестоящих исполкомов, причем в 47 были приняты контрольные цифры без изменения. Очень часто руководство проведением самообложения лежало даже не на сельсоветах, а на районных и волостных уполномоченных [1, д. 163, л. 12]. Предельный размер самообложения (не более 35% от единого сельскохозяйственного налога) в хлебозаготовительных районах не имел практического значения и составлял в среднем от 40 до 50%, а в Воронежской губернии достиг 74% [3, с. 7]. В подобных случаях (повышение до 50% единого сельхозналога) закон предусматривал разрешение вышестоящих исполкомов, но оно даже не запрашивалось. Собранными по самообложению средствами распоряжались сельские Советы, что означало лишение земельных обществ их традиционных финансовых прав и имело целью превращение местных Советов из узкоадминистративных органов в полновластных руководителей деревни.

За 1927/28 – 1929/30 окладные годы по самообложению в РСФСР было собрано около 230 млн руб.: в 1927/28 г. – 65,2 млн, в 1928/29 г. – 61,4 млн, а в 1929/30 г. в условиях сплошной коллективизации происходит резкое повышение самообложения до 103,4 млн руб. По отношению к единому сельскохозяйственному налогу самообложение составило в 1928/29 г. 26,3%, а в следующем 1929/30 г. достигло 49,6% [4, с. 82].

В условиях насильственной коллективизации обязательное самообложение начинает использоваться как средство давления на единоличника, как средство «самораскулачивания» крестьянских хозяйств. По новому закону о самообложении 1930 г. колхозники освобождались от внесения средств по самообложению, а предельный размер его для единоличников устанавливался в 50% от единого сельхозналога с правом райисполкомов повышать до 100% [8]. В сочетании с повышенным общим обложением это ставило большинство единоличных крестьянских хозяйств перед выбором: либо вступление в колхоз, либо ликвидация хозяйства через распродажу имущества для выполнения налоговых обязательств.

В регулировании государством в годы нэпа самообложения крестьянства отчетливо выделяются два этапа. На первом, с августа 1924 г. по август 1927 г., государство законодательными актами подтверждает и закрепляет традиционно сложившуюся в земельных обществах практику проведения самообложения на принципах добровольности, уравнительного расклада сборов, полновластия земельных обществ в распоряжении средствами, предусматривая лишь регистрацию решений сельских сходов местными Советами. На втором этапе, в 1927-1929 гг., земельные общества лишаются своих традиционных финансово-экономических прав, проведение самообложения и распоряжение собранными средствами переходит в руки местных Советов. Самообложение становится частью местного бюджета, причем государство законом определяет его целевое назначение и порядок использования, пытаясь, таким образом, переложить на население содержание местных учреждений образования, здравоохранения, социального обеспечения и даже частичное финансирование развития самого сельского хозяйства. Самообложение в этот период теряет свой самодеятельный характер, становится обязательным и включается в систему прямых налоговых платежей крестьянства государству. История самообложения в деревне второй половины 1920-х годов есть история его огосударствления и превращения в один из местных прямых государственных налогов. Фактически самообложение трансформируется в разновидность и даже составную часть единого сельскохозяйственного налога с его принципом классовости и подоходно-прогрессивным характером, отличаясь от него лишь целевым назначением.

Список литературы

1. **Государственный архив Российской Федерации** (ГАРФ). Ф. 374. Оп. 4.
2. **ГАРФ. Ф.** 406. Оп. 10.
3. **Гуревич Г.** Сельские Советы в кампании по самообложению // Власть Советов. 1928. № 33. С. 5-7.
4. **Два года работы**: материалы к отчету Правительства РСФСР на 15-м всероссийском съезде Советов. М.: Упр. делами СНК и ЭКОССО РСФСР; ОГИЗ «Советское законодательство», 1931. 160 с.
5. **Кожевникова Л. М.** Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7. Ч. 3. С. 85-90.
6. **О порядке самообложения населения**: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1928. № 8. Ст. 73.
7. **О самообложении населения**: постановление ЦИК и СНК СССР от 24 августа 1927 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1927. № 51. Ст. 509.
8. **О самообложении населения**: постановление ЦИК и СНК СССР от 16 августа 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 44. Ст. 451.
9. **О самообложении населения для удовлетворения общественных нужд**: постановление ЦИК и СНК СССР от 29 августа 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 6. Ст. 69.

SELF-TAXATION IN PEASANTRY'S DIRECT TAX PAYMENTS IN THE SECOND HALF OF THE 1920S

Berkutov Aleksei Alekseevich
Penza State University
Berkutovaa@yndex.ru

The author considers the process of self-taxation transformation in the second half of the 1920s, and analyzes the legal regulation of self-taxation and its subordination to the tax policy tasks, shows that in 1924-1927 the state retained the traditional principles of self-taxation: the voluntariness, leveling and sovereignty of land societies in disposal of the funds. In 1927-1929 land societies were deprived of financial-economic rights, self-taxation passed on to the local councils. The state determined its purpose and use order. Self-taxation lost its amateur nature, was included in the system of direct compulsory payments, and transformed into a kind of single agricultural tax.

Key words and phrases: self-taxation; peasantry's direct payments; tax policy; land societies; rural gathering; compulsory self-taxation; rural councils; single agricultural tax.

УДК 94(47)-057.634
Исторические науки и археология

В статье рассматривается общественная и политическая жизнь енисейского казака Анатолия Васильевича Байкалова в эмиграции. Впервые в научный оборот введены его работы, опубликованные в ряде эмигрантских изданий 1920-1960-х гг. Автором показаны основные направления деятельности енисейского казака, связанные с сохранением русской культуры и антикоммунистической борьбой за рубежом. Обращение к данной теме позволяет расширить сложившиеся в исторической науке представления о судьбах российской эмиграции первой половины XX века, ее наследии для современной России.

Ключевые слова и фразы: А. В. Байкалов; эмиграция; Великобритания; журналистика; антикоммунизм.

Богуцкий Алексей Евгеньевич, к.и.н.
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
al_boguz@mail.ru

ЕНИСЕЙСКИЙ КАЗАК А. В. БАЙКАЛОВ – ДЕЯТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ©

В последние годы одним из перспективных направлений в исследовании российской эмиграции, на наш взгляд, является изучение биографий его участников. Биографические данные, с одной стороны, отражают судьбу страны, с другой – раскрывают личностную уникальность человека, его внутренний мир. В настоящей статье автор ограничивается сравнительно небольшим кругом вопросов, обращаясь к исследованию политической и общественной деятельности енисейского казака Анатолия Васильевича Байкалова. К сожалению, квалифицированной биографии этой личности, по существу, нет, хотя небольшая статья о нем есть в работе «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997» [19, с. 177-178].

В данном исследовании автор впервые вводит в научный оборот биографическую анкету А. В. Байкалова, заполненную им в 1929 г. для журнала «Вольная Сибирь», издававшегося в Праге [17, с. 110-115], а также ряд работ самого енисейского казака, опубликованных в эмиграции. Также привлечены мемуары эмигрантов В. Гуревича [16, с. 112-132], В. Орехова [20, с. 33], касающихся общественной и политической жизни енисейского казака.

Анатолий Васильевич Байкалов родился 10 (22) ноября 1882 г. на прииске Эдуардовском, Южно-Енисейского горного округа. По сословному происхождению был енисейским казаком станицы Таштыпской, Минусинского уезда, Енисейской губернии. Его отец в начале 1880-х гг. занимал должность управляющего прииском, принадлежавшим золотопромышленной компании Асташевых. Образование енисейский казак А. Байкалов получил в Красноярской губернской классической гимназии, которую окончил в 1902 г. В 1902-1903 гг. он учился в Казанском университете на физико-математическом и медицинском факультетах. Будучи студентом, Байкалов увлекся политикой и примкнул к социал-демократической организации. В 1903 г. по политическим мотивам был исключен из университета и арестован полицией [17, с. 111].

Находился в ссылке в г. Туруханск на севере Енисейской губернии, где принял участие в выступлении политических ссыльных, недовольных условиями содержания [15, с. 51-66]. После освобождения до Февральской революции 1917 г. исследовал северные морские пути к сибирским рекам, опубликовав в 1913 г. книгу «Северный морской путь к устьям рек Оби и Енисея» [19, с. 177-178]. В годы Первой мировой войны

© Богуцкий А. Е., 2013